

Николай

ЛЕОНОВ

**Алексей
МАКЕЕВ**

**ИГРА НА
ОДЕВАНИЕ**

Москва
2 0 2 4

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

Разработка серии *В. Шербакова*
Иллюстрация на переплете *В. Нартова*

Леонов, Николай Иванович.

Л47 Игра на одевание / Николай Леонов, Алексей Макеев. — Москва : Эксмо, 2024. — 384 с. — (Черная кошка).

ISBN 978-5-04-205555-3

Первую жертву маньяка окрестили «труп невесты». Убийца нарядил ее в истлевшее свадебное платье и усадил в позу куклы во дворе свадебного бутика. Полковник МВД Гуров понимает: такая театральность говорит о том, что душегуб жаждет славы и потому не ограничится одним «спектаклем»... Следующая жертва появилась в Саратове. Девушка была привязана к стеле, запястья прижато к губам, словно она кусала себя в припадке ненависти. Что бы это могло значить? Гуров знакомится с преподавателями местного университета. С их помощью ему удастся разгадать послания маньяка, зашифрованные в позах жертв. Но это не предотвращает новое страшное происшествие...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-205555-3

© Макеев А.В., 2024
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Игра на одевание

ПОВЕСТЬ

Глава 1

Понедельник

Под потолком кофейни, где ранним морозно-хмурым октябрьским утром, борясь со сном, оперуполномоченный Гуровпил американо, парили тыквы со светодиодными свечами вместо мякоти. Над винтажными столиками с ажурными чугунными ножками витал аромат ванили, масла, корицы, тягучих детских ирисок и шоколадной крошки, дрожащей на облаках кофейной пенки. В маленьких гробах-конфетницах, наполненных мармеладными глазами с красными белками и открытием местного кондитера — тонким голубично-клюквенным мармеладом под названием «Язык висельника», — сидели пушистые пауки.

Розововолосая татуированная бариста в футболке с Битлджу-сом угощала посетителей румяным печеньем со сливочным кремом и капельками карамельно-пивного соуса. На деревянной подставке для тортов теснились липкие синнабоны, на которых таяла ярко-сиреневая, ядовито-зеленая и оранжевая глазурь.

Начиналась неделя, которую венчала мистическая ночь с тридцать первого октября на первое ноября. Богато украшенная, светливо-праздничная Москва с нетерпением балованного ребенка на Кремлевской елке ждала Самайн, Самхэйн или Хеллоуин, и ее безоглядное веселье будило разгул нечисти, вечных, коварных, грозных и мстительных потусторонних сил. Неслучайно древние кельты называли Праздником смерти наступающий День Всех Святых.

Проходившая под висевшими на лесках тыквами девушка прошептала:

— Как в «Гарри Поттере»! — И бросилась делать селфи.

Попавший в кадр спиной Гуров хмыкнул, в очередной раз удивившись слиянию прагматичности и инфантильности в молодом поколении. Со своими гаджетами, худи, блокчейнами, «спайсами», мемами, лавандовым рафом, пузырьковым чаем, дорамой, школьным буллинггом, киберсталкингом, ажурными тату по всему телу и додокоидами оно еще верило в сказки про торжествующих над злом сирот, волшебные палочки, метлы для полетов и волшебство.

— Поцелуешь меня в ушко эльфа, — нежно обещала кому-то в голосовом сообщении, чтобы отправить вслед за селфи, поклонница Гарри Поттера, когда Гуров услышал знакомый голос:

— Зачем наряжаться? И так чисто эльф! Острые уши торчком, лицо лошадин...

Кофемашина заглушила продолжение реплики, которое могло испортить девушке настроение прямо-таки магическим образом.

— Удлиненное, — уточнил описание Гуров и подвинулся к окну, освобождая место своему соратнику и коллеге Станиславу Крячко, утреннее ворчание которого он узнал бы даже во сне.

— Звучу как бабка, сыпящая проклятиями? — с сожалением спросил тот.

— Может, мы оба стареем, Стас? — Гуров пододвинул другу тарелку с печеньем «Ведьмины пальцы», и тот, поморщившись, откусил краешек, с облегчением разжевав миндаль.

— Глупый праздник, — буркнул Крячко. — Тыквы, ведьмы, паутина из баллонов. Я на входе запутался — проклял все.

— Поосторожнее с этим, — предостерег Гуров, обводя взглядом кофейню, — когда такая чертовщина творится.

Крячко покачал чашку, глядя, как на пенке оживает лицо привидения.

— Да уж... Чего только не придумают...

— Это латте-арт, — кисло бросила девица, собиравшаяся нарядиться для кого-то эльфом, и снова уткнулась в айфон.

— Извиняюсь, грамоте не обучен, — виновато отозвался Крячко. — Но к субботе наверстаю упущенное. Приду за утренним кофе в костюме вампира. Если дежурить выпадет.

— У нас умеют попить крови, конечно, — кивнул Гуров. — Но я, даже если сам дьявол вызовет, в праздник дома останусь. У Маши планы на этот вечер. Хочет отметить его так, чтобы было что рассказать молодым актрисам на репетиции. У них, знаешь, это милое женское соперничество, кому шубу длиннее подарили.

— Шубу?

— Ну, сезонный эквивалент. На Восьмое марта меряются бриллиантами, букетами, размером посещенных островов.

— Меньше, да лучше? — улыбнулся Крячко.

— Ну да. Ведущей актрисе вообще остров с двумя домами подарили. С прислугой. Она уже фото в соцсетях выложила.

— Дай угадаю: без этого подарок не считается?

— Вроде того. И потом, это тоже способ общения с поклонниками творчества, мой друг. Зрители теперь следят за актрисами не только со сцены, но и в соцсетях. И им важно, чтобы любимая актриса хорошо выглядела в гриме нечисти на Хеллоуин или в свитере с оленем на Новый год.

— Чувствую себя оленем, что так далек от народа, — ухмыльнулся Крячко.

— Ну вот, Мария моя говорит, что из соревнований с мягкими игрушками и шоколадом выросла, но от селфи в костюме ведьмы с ведром сладостей не откажется. Так что я после работы в магазин, — Гуров достал из кармана список, — за гирляндой в виде летучих мышей, ведром для конфет, мармеладными червяками, набором сиреневых свечей, подушкой в виде тыквы, паутиной в баллончиках...

Крячко достал из-за спины перевязанный жгутом шар из оранжевого плюша:

— Подушку держи. А паутину не покупай. Как и все остальное.

— Ну уж нет! Эта пятница создана для подключения гирлянд и зажигания свечей. Пусть все будет так, как хочет жена!

— Хочешь насмешить Бога — построй планы. — Крячко залпом допил кофе, потому что на его телефоне высветился номер секретарши начальника — Верочки. Гурову не повезло больше: ему звонил сам Петр Николаевич Орлов.

* * *

Когда друзья сели в машину, Гуров включил телефон на громкую связь.

— Кто там жаловался, что давно интересных дел не было, а одна бытовуха? Поздравляю, орлы! Бог услышал ваши молитвы, — бухтел генерал.

— Петр Николаевич, не тяни. — Гуров завел машину. — Говори сразу, куда ехать.

— В страну любви, в объятия Купидона, — проворчал начальник уже спокойнее. Было слышно, как он прикуривает.

Гуров и Крячко переглянулись. Из-за проблем с сосудами врачи запрещали Петру Николаевичу сигареты, и только серьезные неприятности могли заставить его закурить.

— В свадебном бутике в Подсосенском час назад нашли женщину. Уборщица вынесла мусор во внутренний двор, а там... В общем, свидетельницу с инфарктом на «Скорой» увезли. А вас на адресе опергруппа ждет.

— Так пусть заходят, — вступил Крячко. — Нам туда по пробкам добираться еще...

— Я распорядился, чтоб ждали. Хозяйка бутика — Юлия Паршина. По мужу.

— Тому самому, у которого заводы, пароходы и продюсерский центр, где два года назад старлетку убили? — Гуров консультировал следователя, который вел то дело.

— И патриотичное крымское вино, — подтвердил Орлов. — Мне его адвокат из конторы «Белов и партнеры» уже все уши вынес...

— «Беглов и партнеры» в деле? — оживился Крячко. Адвокат Белов «отмазал» столько мерзавцев, что сотрудники МВД переназначили его фамилию.

— Куда ж мы без них? Господин Белов настаивает, что нужно как можно скорее разобраться со случайной жертвой во дворе элитного бутика — все забываю его птичье название — и по возможности не беспокоить Юлию Юрьевну. Она в стрессе и не в ресурсе, чтобы с нами говорить. Эта ситуация выбила ее «из пространства осознанности»!

— Почему это жертва «случайная»? — ухмыльнулся Крячко.

— «Стресс», «ресурс» — кто так говорит вообще? — поддержал Гуров. — Откуда там ее выбило?

— Вот и выясните. Только осторожно. Может, у Юлии Юрьевны — Белов зря не нарисуетя — стресс неспроста.

* * *

Машина Гурова въехала в переулок, где, как кукольные домики на полке детского шкафа, созданного каким-нибудь волшебником-крестным Дроссельмейером, ютились отреставрированные купеческие особняки. Опергруппа ждала начальство у высокой двери в стиле ар-деко, которая скрывала от прохожих узкий проход между свадебным и цветочным бутиками во внутренний дворик, где днем «Вдова Клико» унимала мешающий щедрому шопингу предсвадебный мандраж, а по вечерам отдыхала и сплетничала свита самых богатых невест Москвы.

Оперуполномоченный Армине Ароян остановилась на мгновение, чтобы сделать кадр со стилизованными под старину табличками на мятном и кремовом домах — «Подвишневый переулок, дом 5» и «Подвишневый переулок, дом 7». Гуров доверял этой экзотически красивой молодой брюнетке, редко поднимавшей глаза из-под длинных ресниц, фотографирование мест происшествий за хладнокровный, цепкий взгляд и редчайший дар визуального рассказчика. Армине умела кадр за кадром, от панорамы до деталей, воссоздать историю преступления: нетронутый замок, наведенный порядок, странгуляционная борозда на шее убитого старика, небольшой гвоздь в стене, пустой подрамник на балконе, отпечаток пальца на нераспечатанной коробке свежайшего зефира, спрятанной в сервант растроганным хозяином квартиры.

Вот и сейчас Гуров шел следом, полагаясь на чутье и сдержанность Армине, однако услышал тихий возглас девушки, буквально застывшей на краю заднего дворика с фонтаном и садом. В еще тлеющем свете настенных фонарей на дощатом ящике для цветов неуклюже сидело словно вылепленное из обожженной

голубой глины, сплошь изрезанное, одетое в свадебное платье тело. В утренних сумерках оно казалось призраком.

Подошедший к Гурову молодой помощник Игорь Портнов пораженно произнес:

— Как манекен...

Оперативники приблизились.

В сверкающем корсете пышного платья зияла дыра. Босая нога в кружевной подвязке виднелась из разорванной многослойной юбки, вдоль пышных складок которой тянулись неестественно изломанные, обтянутые тугими рукавами руки. Пальцы одной из них едва касались отрубленной, увенчанной засохшими розами на синем парике головы.

— Если зомби кокетничают, то это именно так выглядит. — Армине сделала панорамное фото. — Я будто в декорациях к триллеру. Или...

— «Труппу невесты», — подсказал судмедэксперт Иван Санин. Он осторожно дотронулся до изящного плеча девушки. На нитриловой перчатке остался бирюзовый с неоновым, как синяя гуппи, отливом мазок. — Как в мультике.

Все обернулись. По лицам членов опергруппы заскользили улыбки.

— А что? У меня дочь любит! Там случайно живой парень женится на зомби, хотя любит другую. И вот он попадает в загробный мир...

— А может, это «Вампиры средней полосы»? — возразил Портнов. — Там вампирша Аня на вечеринку так одевается. По-моему, самая красивая девушка в современном кино. Она еще в каком-то триллере про серийную убийцу снялась... Как он назывался? Все! Теперь буду весь день гадать!

— «Самка богомола», — подсказала Армине. — С Ириной Розановой.

— И эти люди смеются надо мной! — проворчал Санин. — Коллеги, у вас тонкий художественный вкус!

— На анализ возьму. — Криминалист Сергей Семенов провел по голубой коже убитой ватной палочкой. — Проверим, зомби она или вампир.

— Как думаешь, что это? — спросил Гуров.

— Может, театральный грим с блестками. Точнее завтра скажу. Семенов осветил плитку специальным фонарем, и всем стало не по себе. Ультрафиолет проявил сотни брызг.

Армине посмотрела на труп в объектив:

— На «безголовые» портреты Рейландера похоже.

— Чего? — спросили Санин и Портнов хором.

— В викторианской Англии был такой фотограф — Оскар Рейландер, — терпеливо объяснила Армине. — Он печатал снимок с двух скомбинированных негативов, чтобы люди держали свои головы на руках, подавали их к столу или отрубали в кадре родным.

— Час от часу не легче! — вздохнул Семенов. — Какой сегодня познавательный день!

— Что бы все это, — Гуров обвел рукой место преступления, — ни значило, мы столкнулись с чрезмерной жестокостью. Такое делают с теми, кого люто ненавидят. Или на ком вымещают злость на весь свет. И готовы продолжать.

Санин указал на сломанный ноготь жертвы:

— Посмотрим, есть ли под ногтями чужая кожа, кровь.

— ДНК не помешает, — кивнул Гуров. — Хотя что-то мне подсказывает: в нашей базе его нет. Убийца не торопился. Его действия ритуализованы. Этот человек старше тридцати. Может, гораздо. Он опытен, возможно, проделывал такое не раз и уверен в своей безнаказанности. Усадил ее тут, как в витрине, то есть, по сути, заявил, что имеет право делать с ней все, что пожелает. Что имеет на это право.

— А если он попался на чем-то более мелком? Изнасиловании, например? — Портнов вынул из клумбы серебристую кроссовку жертвы и аккуратно упаковал ее в мешок для улики.

— Мелком! — хмыкнула Армине, фотографируя голову жертвы. — Может, мы просто других убитых пока не нашли?

— Или не знаем, что это серия. — Гуров изучающе посмотрел на фасад свадебного бутика. — Интересно, работают ли камеры?

— Дохлый номер, — сказал Портнов и осекся, глядя на труп. — Извините. В смысле, камеры здесь не работают. Ни во дворике, ни с улицы. Сотрудники сказали: «Мы не можем нарушать слеж-

кой психологический комфорт клиентов. Невесты и так нервничают из-за предстоящего торжества. Мы дарим им гавань, где их не достигнет стресс».

— Прямо слоган! — Армине сделала крупный снимок венка на отрезанной голове. — На камерах в переулке жертва и убийца точно должны мелькнуть.

— Мелькнули, — кивнул Портнов. — В пяти экземплярах. За углом был концерт группы «Колпак». Играют фолк-рок. Среди слушателей как минимум пять девушек в таком парике и костюме. Примерно одной комплекции, в толпе женщин-кошек, готических ведьм, жен кролика Роджера и принцесс Фион, Арий Старк, матерей драконов и Гермийон. Так что...

Он развел руками.

Арьян осторожно убрала искусственные волосы и сфотографировала красивое, искаженное ужасом лицо.

— Мучилась долго. Значит — не хочу ему сочувствовать — все, что он с ней делал, отражает то, что когда-то делали с ним. Ее страдания — кривое зеркало его прошлого. Странно, что никто не слышал ее криков...

— Алкоголь или наркотик для изнасилований, — пояснил Саннин. — Оба делают жертву расторможенной, дезорганизованной или, наоборот, заторможенной, сонливой. В таком состоянии человек может вообще не кричать.

— Не напоминай! В теме по уши. — Портнов полгода распутывал серию изнасилований, жертвы которых помнили только, как пришли в бар. О случившемся позже догадывались утром по травмам промежности и синякам на лице. — Хочется верить, что она его хоть раз укусила или оцарапала.

— Поживем — увидим. — Саннин явно предвкушал работу. Его взгляд коснулся порванного платья жертвы. — Его грязные секреты вам тоже расскажу.

— Самое противное, — скривился Портнов, — сперма в ней или на ней, в зависимости от того, как субъект достиг оргазма.

— Зато это помогает увидеть зацепку при опросе знакомых преступника или жертвы. — Армине сфотографировала разрыв белой ткани.

— Ольга Борисовна Воронова, — прочел Гуров на выброшенных в чистую урну у чугунной лавочки документах. — По паспорту двадцать семь лет.

В открытой двери бутика застыла, закрыв рот ладонью, рыжеволосая женщина с веснушчатыми полными руками, одетая в строгое платье-футляр без рукавов. Она, очевидно, услышала конец разговора оперативников и пыталась справиться с отвращением, вызванным им.

— Елена Андреевна Кузина, администратор. — Представившись, женщина нерешительно показала поднос с небольшим френч-прессом для кофе и вазочкой с мармеладом и пастилой. — Вот. Ваш коллега просил передать.

Армине приняла у нее поднос. Когда Кузина скрылась в дверном проеме, Гуров хмыкнул:

— До чего же заботлив отсидевшийся в окопе наш товарищ Крячко.

— И щедр, — хором согласились все.

* * *

Ирония Гурова объяснялась тем, что, пока он с экспертами и помощником мерз на улице, Станислав Крячко не спеша пил горячий шоколад с миниатюрными лавандовыми раковинами-базе в окружении барочной роскоши *Petit Trianon*, созданной лучшими дизайнерами Москвы.

Названный в честь любимого замка Марии-Антуанетты, свадебный бутик Юлии Паршиной ослеплял гостей свечением хрусталя и позолоты, увлекал причудливым узором порхающих жаворонков и выющихся круглых, многолепестковых белых роз на обоях, обступал рядами воздушно-зефирных платьев всех оттенков торжественного белого, благородной слоновой кости, восхитительно непретенциозных ягодных, леденцовых, пастельных тонов.

Крепкому полковнику Крячко было тесно в розовом кресле с гнутыми ножками и подлокотниками. Он боялся задеть резной столик с вазой хрупких сиреневых тюльпанов и кэнди-баром с ванильными эклерами, профитролями и швейцарскими трюфе-